

Социальный капитал науки: к вопросу о символической власти научного знания

Научный руководитель – Шибаршина Светлана Викторовна

Абрамичев Михаил Михайлович

Сотрудник

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: abramychevmm@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00879, <https://rscf.ru/project/25-28-00879/>

Пристальный взгляд на историю развития науки открывает нам картину не только изменений принципов проведения экспериментов, конструирования теорий и всего того, что относится непосредственно к технической части научных процессов. Важной составляющей трансформации науки также являются изменения общих познавательных установок. Под общими познавательными установками здесь понимаются критерии достоверности и объективности знания, способы трактовки научных фактов и объектов науки, а также взгляды на самого субъекта познания. Субъект познания, как это было в период классической науки, более не может восприниматься в качестве изолированного индивида, исключая себя из социокультурных и природных контекстов, напротив, субъект познания начинает восприниматься как, во-первых, часть того или иного научного коллектива и, во-вторых, как носитель определенных социокультурных особенностей. Данные составляющие не просто принимаются в расчет при описании субъекта научного познания, но и рассматриваются как обуславливающие процесс научного познания факторы.

Именно на этой почве появляются первые исследовательские проекты в рамках социологии науки, а затем отдельное направление под названием социальной эпистемологии, рассматривающее вопросы социальной обусловленности научного познания. В качестве одной из важнейших фигур на пути описанного нами сдвига следует обозначить Л. Флека, который одним из первых продемонстрировал то, чем в действительности являются научные факты (для Флека факты зависят от «стиля мышления»), а также показал роль «мыслительных коллективов» на пути к получению научного знания. Мыслительный коллектив представляет собой «сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие» [Флек 1999, с. 64]. Иными словами, мыслительный коллектив можно определить как группу людей, разделяющих релевантность определенной понятийной рамки. Данный сдвиг в оптике рассмотрения науки неизбежно повлек за собой ряд дискуссий, связанных с вопросами рациональности, релятивизма, объективности и т.п. Для нас же важным будет являться появление самого прецедента рассмотрения социокультурных условий как фактора, влияющего на появление и распространение научного знания.

Среди прочего, особенный исследовательский интерес представляет вопрос о том, обладает ли наука «социальным капиталом». Социальный капитал, как его, например, трактует П. Бурдьё, есть «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё 2002, с. 66]. Р. Патнэм, пытающийся выявить корреляцию между уровнем

благополучия и уровнем развития общественных отношений, называет доверие, нормы и структуры, являющиеся основой социального капитала, ключевыми факторами социального равновесия, для которого «свойственны высокая степень кооперации, гражданская вовлеченность, коллективное благополучие» [Патнэм 1996, с. 220]. Таким образом, социальный капитал является подвижным феноменом, объемы которого отражают уровень устойчивости социальных связей отдельной социальной группы.

В контексте социальной обусловленности научного знания возникает вопрос о применимости понятия социального капитала к сфере науки. С нашей точки зрения, наука обладает социальным капиталом, но для его описания необходимо изначально, с одной стороны, дать определение социальному и, с другой стороны, установить специфику применения понятия социального капитала к науке. Разрабатывая предмет социальной эпистемологии, И.Т. Касавин предлагает выделять три типа социальности: внутреннюю (обусловленность знания человеческой деятельностью), внешнюю (зависимость знания от общественных систем) и открытую (включенность знания в культурную динамику) [2]. Данная типология позволяет нам аналогичным образом выделить несколько уровней социального капитала, отражающих многовекторную обусловленность научного знания. Так, следует выделять внутренний и внешний уровни социального капитала науки. В рамках первого уровня речь идет о локальных сетях сотрудничества внутри научных сообществ. Второй уровень предполагает включенность науки в определенный культурный контекст, что отражается в распространении научного знания за границы научных сообществ.

Два обозначенных уровня находятся в тесной связи друг с другом, что, в частности, подчеркивает и Л. Флек, описывая социальные факторы формирования мыслительных коллективов: «доверие к посвященным и зависимость последних от общественного мнения, солидарность между равноправными участниками, служащими одной и той же идее» [Флек 1999, с. 129]. Более того, один уровень может переходить в другой, поскольку создание устойчивых отношений, минимизирующих издержки, способствует более эффективной реализации исследовательских задач и таким образом позволяет укреплению связей с внеакадемическими социальными агентами. Социальный капитал представляет собой выражение конкурентного преимущества отдельной группы научных работников, что позволяет им не просто быть более эффективными по сравнению с другими группами, но и обозначать себя в качестве носителей «экспертного» знания, которое может быть использовано, как символический элемент легитимации определенной стратегии власти.

Здесь мы наблюдаем сцепку между социальным и символическим капиталом (авторитет, статус, доверие), на чем также акцентировал внимание П. Бурдьё. В этой логике наличие социального капитала у конкретного научного сообщества может расцениваться как обладание символической властью, а само знание преобразуется в социальную валюту. Использование знания в качестве социальной валюты, как показывает С.В. Шибаршина, свидетельствует об использовании «его символической значимости, влияния, власти, основанной на признании авторитетности этого знания другими людьми» [Шибаршина 2023, с. 106]. Конвертация социального капитала в символическую власть особенно заметна в публичной плоскости, когда экспертное знание отдельных научных специалистов приобретает решающее значение для социально-политической жизни страны и мира.

Таким образом, наука действительно обладает социальным капиталом и в этой перспективе может рассматриваться как инстанция символической власти, а продукт научной деятельности трактоваться в качестве социальной валюты. Однако, представляется, что в настоящий момент специфика данных процессов остается неизученной, поэтому существует реальная необходимость сделать процессы образования социального капитала, его накопления и конвертации предметом исследовательского философского и социологического интереса для комплексного понимания современной социокультурной ситуации.

Источники и литература

- 1) Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- 2) Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 5-15.
- 3) Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.
- 4) Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М. : Идея-Пресс, 1999. 220 с.
- 5) Шибаршина С.В. К проблеме использования символической власти научно-экспертного знания // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 2. С. 102-117.